

СОЗИДАТЕЛИ РОССИИ

Леонид **ВЫСКОЧКОВ**,
доктор исторических наук

ЧЕЛОВЕК В МУНДИРЕ

Николай I — «консерватор
с прогрессом»?

Великий князь Николай Павлович.
Хромолитотография из издания Н. К. Шильдера.

Мне хотелось принять на себя всё трудное, всё тяжёлое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение сулило иначе. Теперь иду молить за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете.

Николай I — сыну Александру перед кончиной

Из правителей России XIX века Николай I был наиболее крупной личностью, хотя для многих одиозной. Это был последний император, имя которого дало название эпохе.

«Незабвенный» и «Царь-Христианин» — для одних, «Николай Палкин»¹ и жандарм Европы — для других. Более столетия образ Николая I воспринимался через идеологические клише типа «страж абсолютизма», «тюремщик русской свободы» (М. А. Полиевктов), «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира» (Ф. Энгельс), «коронованный барабанщик», «коронованный палач», «страшилище в огромных ботфортах и оловянных пулях вместо глаз» (польский мемуарист И. Ф. Савицкий). А ещё «Польского края зверский мясник» (Марина Цветаева). Как личного врага воспринимал его Александр Герцен. Умный, властный, уверенный в своей исторической правоте, государственный, обратившийся к национальным истокам, он вызывал неприязнь значительной части интеллигенции и ненависть либерально-демократической общественности. «Душной» называл Николаевскую эпоху народовец Пётр Лавров. Редкий историк или публицист не приводил стихи Фёдора Тютчева:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
Всё было ложь в тебе, всё призраки
пустые:*

Ты был не царь, а лицедей.

В то же время умалчивались другие строки поэта, прославляющие царя:

*Ты, Николай, народов победитель,
Ты имя оправдал своё!*

Забывалось и то, что в «николаевском цикле» Пушкина из девяти стихотворений Николай I для поэта — достойный уважения человек, хотя, может быть, если судить по отдельным высказываниям поэта, не очень хороший государь.

Самый солидный монографический труд Николая Карловича Шильдера (1842–1902), изданный посмертно в 1903-м, остался незавершённым двухтомником.

Работы научно-популярного характера о Николае I были опубликованы в 1918-м (Полиевктов) и 1925 году (А. Е. Пресняков). В дальнейшем в СССР о Николае I книг не издавалось². Казалось, и так всё ясно... Правление Николая I характеризовалось как непросвещённый абсолютизм.

Исключением была точка зрения либерального историка А. А. Корнилова. Он изложил свою позицию накануне 1917 года: «Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещённого абсолютизма. Император Николай по своим взглядам не походил на Людовика XIV и никогда не сказал бы, как тот: «L'État c'est moi!» [«Государство — это я!»]; напротив, он неоднократно высказывал, что почитает себя первым слугой государства; но воле этого первого слуги должны были безропотно подчиняться все остальные. По своим намерениям Николай гораздо ближе подходит к таким представителям идеи просвещённого абсолютизма, как

Иосиф II и Фридрих Великий... И если бы Карамзин пережил царствование Николая, он должен был бы признать, что опыт осуществления его системы сделан, и вместе должен был бы убедиться, к чему эта система неизбежно приводит, притом именно, к чему она приводит в такой обширной, малонаселённой и быстро развивающейся стране, как Россия»³. Впрочем, о «просвещённом абсолютизме» Николая I историки вскоре забыли.

Два непопулярных события обрамляют царствование этого императора — восстание декабристов и Крымская война.

Подавив восстания декабристов-заговорщиков в Петербурге и на Юге Украины, Николай I, по выражению американского историка Ричарда Уортмана, «приступил к процессу церемониального утверждения своей власти». Его династическим сценарием был «героический триумф победы добра и нравственности, воплощённых в императорской фамилии, над разрушительными силами зла»⁴. Николай I сделал выводы из «уроков Декабря». Одним из них было понимание необходимости борьбы с революционным движением. Под впечатлением первых допросов государь заявил младшему брату Михаилу Павловичу: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в неё, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божьей милостью, я буду императором»⁵. Шильдер писал: «День 14 декабря окончательно закалил характер Николая Павловича. Некоторым образом он обрёл его на роль укротителя революций (dompteur des revolutions)»⁶.

Николай I помнил записку о пагубности духа либерализма или вольномыслия, написанную покойным братом Александром I незадолго до поездки в Таганрог. Обладая «гениальным инстинктом охранения», по мнению рассуждавшего на этот счёт уже позднее Константина Леонтьева, «государь был до такой степени идеальный самодержец, каких история давно не производила». Даже славянофилы, которые так же, как и он, являлись пламенными патриотами, вызывали его настороженность, потому что были либералами, а «Николай Павлович чувствовал, что под боярским русским кафтаном московского мыслителя кроется обыкновенная блуза западной демократии»⁷. Он был из числа тех, зачастую негибких, деятелей и неудобных людей, которые не поступались своими принципами. Многие черты характера способствовали выполнению им обязанностей государя, но именно принципиальность и честность подчас мешали ему быть гибким политиком.

Вторым «уроком Декабря», выстраданным Николаем I, стало столь же чёт-

кое понимание необходимости реформ, почти полностью свёрнутых (если не считать экспериментов в области местного самоуправления) к концу царствования Александра I.

Что же за человек взошёл на трон в конце рокового 1825 года?

По аналогии с известным героем чеховского рассказа «Человек в футляре» Николая Павловича можно было назвать «человеком в мундире». Привычно его обвиняли в мундиромании, в том, что он «старался всю Россию всунуть в мундир». Доля истины в этих высказываниях, несомненно, присутствует. Человек в мундире, будь то военный служащий, чиновник, хотя бы дворянин в губернском дворянском мундире, воспринимался Николаем Павловичем как служилый человек России, а честь мундира была для него не пустым звуком. Он был исключительно требователен к себе, рассматривая свою деятельность как «службу», хотя правильнее это было бы назвать служением России.

В древнегреческих мифах о братьях-титанах Прометее и Эпиметее рассказывается как Прометей, украв для людей огонь, подвергся жестокому наказанию Зевса. В то же время благоразумный Эпиметей послушно выполнил волю отца и взял предложенную ему в жены красавицу Пандору — «всеодарённую», как переводится с древнегреческого её имя. Сам Зевс подарил ей в качестве приданого сундук (ящик), который открывать запретил. Дальнейшее известно. Любопытство взяло верх,

красавица открыла сундук, выпустив в мир людей всевозможные несчастья и болезни («сундук Пандоры»). Единственной полезной вещью в сундуке Пандоры для Эпиметеей оказалась некая стоическая мудрость чувства ответственности.

По сравнению с психотипами Диониса (свобода и импульсивность), Прометеей (дух научного поиска), Аполлона (самодостаточность, стремление быть самим собой) Эпиметеей представляет иной характер человека. Люди этого типа, пишут психологи, обладают высоко развитым чувством ответственности; они склонны поддерживать иерархические отношения в системе, где им приходится работать. Им хорошо понятны механизмы взаимоотношений «начальник—подчинённый», причём они могут одинаково успешно действовать в обеих ролях»⁸.

Чувство долга для людей этого типа является преобладающим. Подробную характеристику Николаю Павловичу дал маршал Мармон в 1826 году: «Я подробно осмотрел всё, что было любопытного в Петербурге. Но превыше и, прежде всего, меня занимала личность императора Николая. Узнать его было моим первейшим желанием. Столь высокий ум в возрасте, когда в человеке ещё столь сильны страсти, умеренность в сочетании с порывистым и могучим характером, самообладание, весьма драгоценное, когда ничто

Ф. Крюгер. Чины гвардии у Александровского дворца в Царском Селе.

не препятствует исполнению любых желаний, — всё это не может не вызывать искреннего восхищения. Он знает, что у него есть долг, и что не вся жизнь монарха состоит из радостей и удовольствий»⁹.

Как правило, без труда решая бытовые проблемы в житейских ситуациях, люди такой личностной ориентации стараются занять какой-нибудь пост, должность, всячески повышая затем их значимость и одновременно укрепляя свой авторитет. Это люди службы, хорошо чувствующие иерархию служебных и общественных отношений. Чем бы они ни занимались, для них характерны бережливость, стремление сохранить накопленное для потомков. Одновременно это «летописцы общества», они не только пишут историю, но и преподают обществу «уроки истории». Именно таким «уроком» обществу было наказание декабристов, вполне адекватное по сравнению с аналогичными антиправительственными выступлениями в других странах.

В соответствии с современным популярным индикатором типов Майерс—Бригге (МВТИ) Николай Павлович был человеком, сочетающим наиболее характерные черты сенсорного (S) и решающего типа (J)¹⁰. К людям сенсорного типа относятся склонные к практической деятельности, предпочитающие конкретные ответы на вопросы, находящие более привлекательной ту работу, которая приносит осязаемые результаты, охотнее имеющие дело с фактами и цифрами, не-

жели с теориями и идеями, считающие фантазию бранным словом, читающие тексты подряд, а не выборочно. Для решающего типа характерны одержимость идеей порядка вплоть до мелочей, составление перечня дел, неукоснительное следование плану, умение всё разложить по полочкам, желание доводить всегда дело до конца, нелюбовь к неожиданностям, следование раз и навсегда установленному распорядку дня.

Педантизм в делах и постоянство в привычках были характерными чертами Николая Павловича. Тип характера, которому наиболее соответствуют реконструкция личности императора, — это «практик» с преобладанием практических ценностей, склонностью руководить людьми на разных уровнях, обладающий умением и готовностью принимать ответственные решения, но порой эмоционально не сдержанный. Последний тип людей часто представляют физически развитые люди мощного телосложения — «атлетики», к которым, несомненно, относился Николай Павлович.

Необходимость физического развития наряду с общим образованием была понята Николаем Павловичем ещё в юношеском возрасте. В шестнадцатилетнем возрасте, 24 января 1813 года, по заданию учителя морали и древних языков Ф. П. Аделунга он написал сочинение по мотивам А. Л. Тома «Похвальное слово Марку Аврелию». Именно в нём он высказывает свои взгляды на идеального правителя империи, следующего идеям «общего блага». Николай цитирует: «Он был деятелен и ловок во всех телесных упражнениях, что дало ему возможность впоследствии выносить все тяготы войны; учился он также весьма старательно, так как понимал всю пользу этих занятий для своего будущего»¹¹.

Природные данные благоприятствовали Николаю. Высокий (189 сантиметров), стройный, хорошо сложенный, с античными чертами лица, он отвечал народным представлениям о государе и нравился женщинам. Физически сильный, он, по отзыву осматривающего его врача Карреля, имел изящные формы «и конструкции более аполлоново-геркулесовские». На протяжении всей своей жизни Николай Павлович старался сохранять военную выправку. Позднее, несмотря на умеренность в еде и постоянные физические упражнения с ружьём по утрам, он стал полнеть, но по-прежнему следил за своей фигурой, хотя с конца 1830-х годов выдававшийся вперёд живот уже портил немного его статность. Мнение о «железном» здоровье Николая I было широко распространено, так как он привычно

скрывал свои болезни: нарушение вестибулярного аппарата, приливы и отливы крови к голове (отсюда и частая бледность), головные боли, подагра, частые недомогания и усталость.

На протяжении десятилетий с лёгкой руки Герцена (он видел императора в 1826 и 1830 годах) сформировался отрицательный стереотип восприятия даже внешнего облика Николая Павловича. Особенно ему «запомнились» его глаза, названные «зимними» и «оловянными». На самом деле глаза Николая Павловича были сине-голубые, как и у его братьев. А вот взгляд императора мог действительно запечатлеться в памяти. Немногие могли его выдержать. Великая княжна Ольга Николаевна также не обошла вниманием этот сюжет. «Уважение, внушаемое им, — писала она об отце, — исходило главным образом от его взгляда, который могли выдерживать только люди с чистой совестью; всё искусственное, всё наигранное рушилось, и всегда удавалось этому взгляду торжествовать надо всем ему враждебным»¹². В домашнем быту он был скромный и неприхотливый и вёл спартанский образ жизни. Он не отличался гастрономическими пристрастиями, в еде и напитках был чрезвычайно умерен.

Один из распространённых мифов, чему способствовал своими высказываниями требовательный к себе Николай Павлович, — миф о плохом образовании. На самом деле, оно в основном соответствовало университетскому курсу того времени. По мнению Л. Киселёвой, исследовавшей его ученические тетради, Никош (как называла сына Мария Фёдоровна) получил хорошее образование¹³. Тем не менее Николай Павлович сделал соответствующие выводы. Для разработки программы воспитания и обучения цесаревича Александра он образовал специальный комитет и привлёк для этого Василия Андреевича Жуковского.

Да, как известно, Николай Павлович не был склонен к отвлечённым наукам или философии. В отличие от других гуманитарных дисциплин, только история привлекала его как «наставница жизни», как описание жизни полководцев, знаменитых людей, монархов. Император при врождённой способности к языкам (свидетельство А. Ф. Тютчевой) владел французским, немецким, английским языками, понимал по-польски, русский язык сделал официальным языком в государственных учреждениях и при дворе, обращаясь к дамам по-французски. Но с юношеских лет он приобрёл стойкую неприязнь к древним языкам, считая это излишней «роскошью» в практической жизни.

Император тяготел к точным наукам, фортификации, рисованию (сохранилось много его рисунков), обладал музыкальным слухом, но не любил танцев. Он был страстным театралом. Маскарады сродни театру, но склонность к ним проявилась только позднее. Основательность, практичность, стремление к порядку во всём, знание основ инженерного дела проявлялись и в строительной деятельности, при создании многих архитектурных ансамблей Петербурга. «Я мало встречала людей, одарённых таким логическим, положительным и практическим умом, как император», — свидетельствовала княгиня Доротея Ливен.

В художественной литературе он, отдавая дань романтизму, предпочитал исторические романы Вальтера Скотта. В петергофском Коттедже, где библиотека насчитывала около тысячи томов, преобладали произведения писателей романтического направления. Кроме Вальтера Скотта, это были произведения Байрона, Томаса Мура, Фенимора Купера, Гюго, Шиллера, Гёте... Русская словесность была представлена Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, И. И. Лажечниковым, В. Ф. Одоевским. Во время «вечерних собраний» у Александры Фёдоровны он предпочитал для чтения вслух сентиментальные французские романы Эжена Сю. Основным критерием для оценки художественных произведений русских авторов для него были идейно-политическая направленность, соответствующая принципам самодержавия и народности. И на этом поприще он оставался практиком, взяв на себя роль верховного цензора. Впрочем, для театра эта роль была скорее положительна. Во всяком случае, его любимыми пьесами были «Горе от ума» и «Ревизор».

Излишняя обстоятельность, внимание к мелочам перерастали подчас в придирчивость, он явно недооценивал психологическое значение этих постоянных мелких придирок, которые могут доводить людей до иступления. Требовательный к себе Николай был строг к выполнению обязанностей другими. Он ненавидел вялость и лень. Требовательный к себе, он не любил «тунеядцев» — слово, характерное для его лексикона.

В военной службе он был «неприятным педантом», что дало повод одному из авторов отнести его «к законченному типу военного бюрократа» (Д. Ельницкий). Это утверждение верно только отчасти, но склонность к формальной стороне военного дела часто преобладала, что также вытекало из особенностей его психологического склада. «Рутинные бюрократические процедуры раздутого бюрократического штата, — пишут пси-

хологи, характеризуя тип Эпиметей в роли лидера-администратора, — начинают носить ритуальный характер, когда все усилия... бывают направлены на сохранение традиций и поддержание устоев». В то же время, «практичность, умение принимать взвешенные решения, определённая позиция... в значительной степени облегчают взаимодействие с ним окружающих. Работа в рамках конкретного плана, основанного на строго проверенных фактах, обуславливает надёжность и стабильность... Правила игры будут соблюдены в деталях»¹⁴.

О нравственных качествах Николая Павловича современники высказывают полярно противоположные мнения. О «бездушии» императора писал Герцен¹⁵. А вот по свидетельству мемуаристки М. А. Цебриковой (дочери вице-адмирала А. Р. Цебрикова, племянницы декабриста Н. Р. Цебрикова), её отец считал Николая Павловича «образцом великодушия и справедливости»¹⁶. Действительно, император не был чужд сострадания на бытовом уровне. Характерное качество, свойственное личностям типа Эпиметей, — преимущественная забота не о себе, а о других. Особенно ярко это проявлялось в семейных отношениях и общении с близкими ему людьми.

То, что обычно называют «жестокостью», не было сколько-нибудь ярко выраженным свойством психики Николая Павловича. Скорее, это было проявлением принципиального и осознанного подхода к людям определённых воззрений и поступков, к тем, кто выходил за рамки, предписанные субординацией, инструкциями, или позволял себе выражать чувства протеста, но прежде всего к тем, кто действовал, по убеждению монарха, во вред России.

Непопулярные «меры пресечения», как правило, обуславливались не личной жестокостью Николая Павловича, а его службой на посту императора. В дальнейшем он частенько задумывался о своей судьбе и своём предназначении. В одном из откровенных разговоров с А. Д. Блудовой император заявил: «Я этого места не искал и не желал; меня Бог поставил»¹⁷. Граф Павел Дмитриевич Киселёв в своих записках о Николае I отметил, что во время одной из бесед Николай Павлович сказал, «что если бы он мог выбирать, то не выбрал бы своего нынешнего положения. — Но я, прежде всего христианин, — добавил он, — и подчиняюсь велениям Провидения; я часовой, получивший приказ, и стараюсь выполнять его как могу»¹⁸.

Среди недостатков характера Николая прежде всего бросалась в глаза его

вспыльчивость. Проявлявшиеся ещё в детском возрасте строптивость и вспыльчивость в дальнейшем сдерживались, но иногда прорывались как в мелочах быта, так и в общении с подчинёнными. Он гневался на неисполнение приказа, при несогласии со своим мнением, а иногда и без причины, проявляя подчас бездушие и даже жестокость. Цебрикова и будущий адмирал А. И. Шестаков рассказали о двух фактах вряд ли заслуженного оскорбительного для капитана судна наказания, когда офицерам на некоторое время было приказано забраться на салинг — верхнюю площадку на мачте, куда обычно посылали нижних чинов.

Вопреки распространённому мнению, Николай Павлович мог признавать свои ошибки. Грозный на вид, он мог проявить и уместную снисходительность. Характерен анекдот о пьяном мужике, сохранившийся в нескольких вариантах. Со слов Богуславского, он был записан так: «Пьяный мужик, войдя в харчевню, не снял шапки и стал кричать и браниться. — «Что ты, дурак, орёшь, да ещё шапки не снимаешь; разве не видишь, чей портрет здесь висит?» — сказал ему хозяин, указывая на висевшее на стене изображение Николая Павловича, разумеется, суздальской печати. Мужик, взглянув на портрет, плюнул и отвечал хозяину — плюю я на тебя, да и на портрет тоже». — Пьяницу тотчас схватили и предали суду за оскорбление его величества. По закону мужик был приговорён к кнуту и ссылке в каторжную работу. Но когда по порядку, заведённому для подобного рода дел, доклад об этом был поднесён на утверждение государю, то он написал на нём: «Вместо наказания сказать мужику, что и я на него плюю; в харчевнях же и в кабаках не позволять впредь иметь на стенах портретов императорской фамилии»¹⁹. Подобных примеров можно привести множество. Николай завещал сыну Александру: «Будь вообще кроток, обходителен и справедлив; и сие последнее вмещает и снисходительность и строгость, с которыми оно неразлучно»²⁰. Признавая вспыльчивость как характерный недостаток Николая, Блудова отмечала, что «мелкого эгоизма или тщеславия самолюбия у него не было никогда»²¹, «любил он величие и благоденствие не свои, а России»²².

Личные качества Николая Павловича и его убеждения в условиях самодержавного строя, конечно же, оказывали большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. «Добродетельный государь с твёрдым характером» — вот идеал, который привлекал молодого великого князя. «Правление этого государя, — замечал он в сочинении о Марке

Аврелии, — вполне подтверждает, что он не говорил пустых фраз, но действовал по плану глубоко и мудро обдуманному, никогда не отклоняясь от принятого пути»²³.

В исторической литературе часто делается акцент на реакционно-охранительных началах политики Николая I, возобладовавших после 14 декабря. На самом деле подавление «мятежа реформаторов» не было поворотным пунктом в области внутренней политики, оно лишь закрепило те тенденции, которые наметились в последнее десятилетие царствования Александра Павловича или, по крайней мере, в последние годы. «Я считаю царствование Николая I, — заявлял В. О. Ключевский, — прямым логическим продолжением второй половины предшествующего царствования»²⁴. «Отказавшись от реформ, — писал С. В. Мироненко, — самодержавие перешло к реакции, которая началась не с разгромом восстания декабристов в 1825 году, как считают многие, а несколькими годами ранее. Именно Александр I начал реакционный курс, а Николай I лишь продолжил начатое старшим братом»²⁵.

Если заменить термин «реакционный» на «консервативный» при наличии также и реакционных черт во внутренней и внешней политике 1820–1825 и 1848–1855 годов, то всё становится на свои места. Не стоит сбрасывать со счёта и консервативные настроения самого общества. Сам Николай I с гордостью относил себя к тем монархам, которых называл «государями-консерваторами». В начале 1848 года, накануне Февральской революции во Франции, Европа, говоря его словами, представляла «колоссальную картину всё возрастающего потрясения». Тогда император отметил в своём аналитическом обзоре некоторые заслуги свергнутого «короля баррикад» Луи Филиппа в борьбе с революционным движением. В то же время он считал, что последний всё же не может быть «причислен к разряду государей-консерваторов, так как если он и может искренно разделять их взгляды, он не может обладать их властью»²⁶. У Николая Павловича были и легитимистские принципы, и власть, и желание реформ сверху, от имени государя.

К сожалению, применение «последнего довода королей» 14 декабря и последовавшие затем, по сути своей, очень сдержанные репрессии в виде назидательного урока обществу, противопоставили Николаю I и образованную часть дворянства, понимавшую необходимость этих реформ. В предшествующее царствование парадокс заключался в том, что тайные проекты «дворянских конспи-

раторов» (Т. В. Андреева) и Александра I соседствовали и даже совпадали.

Точно так же и при Николае I многие мысли и чувства были общими, но рассуждать о них гласно, особенно печатно, было нельзя. О ненормальности и даже опасности для власти такого положения писал, в частности, М. С. Лунин в обзоре «Общественное движение в России в нынешнее царствование» (1840): «Общественная мысль, остановленная в своём развитии давлением грубой силы, ушла в себя... Между тем пороки политического устройства отражаются на нравах, обычаях, наклонностях и привычках. Рабство, утверждённое законами, является обильным источником безнравственности для всех классов населения; отсутствие гласности поощряет и развивает всевозможные беспорядки, обеспечивая им безнаказанность»²⁷.

На одном из рельефов памятника императору Николаю Павловичу, обращённом в сторону Мариинского дворца, под датой 1832 изображена сцена награждения М. М. Сперанского 19 января 1833 года. Выбор этого сюжета был не случаен. Императору приписывают слова: «Я не хочу умереть, не совершив двух дел: издания свода законов и уничтожения крепостного права»²⁸. Об этом же писала его дочь Ольга Николаевна: «Чтобы

создать Свод законов, выведя наше законодательство из тогдашнего хаоса, он призвал Сперанского и был удовлетворён окончанием этого труда ещё в своё царствование. Ещё другой большой заботой было улучшение судьбы крестьян»²⁹.

Обстоятельства восшествия на престол, по аргументированному мнению Т. В. Андреевой, «дали мощный толчок реформаторской направленности правительственного курса первого пятилетия правления и обусловили преобразовательные приоритеты — создание фундаментального законодательства, совершенствование государственного управления, решение крестьянского вопроса»³⁰.

Если «первое дело», которым был озабочен император, связанное с кодификацией, было отчасти выполнено, то «второе дело» — отмена крепостного права — требовало особо взвешенного подхода. Мысль о необходимости этой меры, нашедшая дополнительные обоснования в проектах «друзей по Четырнадцатому», появилась у Николая Павловича ещё со времени учреждения Комитета 6 декабря 1826 года, но претворять её в жизнь он не спешил, считая

Ф. Крюгер. Солдаты и офицеры гвардейских полков русской армии периода 40-х годов XIX века. 1853 г.

необходимым подготовить всё постепенно, осторожно и без лишней огласки. Первые годы приходилось заботиться и о реакции цесаревича Константина Павловича. Хорошо информированный о настроениях в правящих кругах Е. М. Феокистов вспоминал: «Вот что, между прочим, я слышал от военного министра Д. А. Милютина, близкого родственника графа Киселёва. Однажды государь рассказал Киселёву, что ещё в первые годы по вступлении своём на престол остановился он на определённом плане уничтожения у нас рабства, но захотел предварительно узнать мнение Константина Павловича; тот отвечал из Варшавы, что умоляет ему умереть спокойно, не смущать его мыслью о тех ужасах, которые неминуемо постигнут Россию. «Я не мог, — заметил Николай Павлович, — не уважить это требование, ибо для всех Вас я император, а для меня императором был брат мой Константин»³¹.

По свидетельству П. Д. Киселёва 1856 года, мысль о необходимости уничтожения крепостного права не покидала императора на протяжении всего царствования³², а «шестидесятник» Н. В. Шелгунов эту же мысль выразил в ироническом контексте: «Император Николай I каждый год начинал освобождение крестьян»³³.

«Три раза начинал я это дело, — говорил Николай П. Д. Киселёву в 1854-м, — и три раза не мог продолжать: видно, это перст Божий»³⁴. Вероятно, он имел в виду 1826, 1839–1842 годы и кратковременный период накануне европейских революций 1848 года. Обсуждение вопросов в комитете 1839 года вылилось в широкое обсуждение общих принципов реформы крепостной деревни, предложенных П. Д. Киселёвым. Естественно, вся эта «келейная работа» не могла быть скрыта от общества, где продолжали циркулировать слухи о предстоящем освобождении крестьян.

По мнению С. В. Мироненко, комитет 1839–1841 годов должен был сделать закон о свободных хлебопашцах (1803) обязательным для исполнения. Таким образом, предлагалась фактическая программа освобождения крестьян с землёй за выкуп³⁵. Только при таком предположении становится понятной сцена, описанная глазами дочери императора Ольги Николаевны, которая произошла в 1842 году: «В конце зимы в одно прекрасное утро, когда мы сидели спокойно у Мама́, занятые чтением вслух и рукоделием, послышались вдруг шаги Папа́ в неурочное время. Затянутый в мундир, он вошёл с серьёзным лицом. «Благослови меня, жена, — сказал он Мама́. — Я стою перед самым значительным актом своего царствования. Сейчас я предложу в Государственном совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян». Это был указ для так называемых оброчных крестьян, по которому крепостные становились лично свободными, но должны были продолжать службу своему помещику дальше. Помещиков призывали к участию в таком освобождении, провести же его в жизнь представлялось им самим»³⁶.

Буквально в последний момент Николай Павлович всё же отступил, уступая дворянской фронде. Чтобы успокоить общество, все слои которого были охвачены ожиданием перемен, и одновременно «сохранить лицо», монарх в 1842-м пошёл на издание куцега закона об обязанных крестьянах. В соответствии с ним крестьяне, получая с согласия владельцев личное освобождение, могли арендовать на определённых условиях помещичьи земли. На основе указа от 2 апреля 1842 года помещики перевели в обязанные крестьяне всего 24 708 душ (подлежащих ревизии мужчин). Помещики откровенно смеялись над этим законом, но не заметили, что личная свобода крестьянина в этом случае предполагалась без особого выкупа. Иными словами, по мнению Ключевского, молчаливо признавалось, что «личность крестьянина не есть частная собственность землевладельца, что их связывают отношения к земле, с которой нельзя согнать большую часть государственных плательщиков. На почве закона 1842 года только и стало возможным Положение 19 февраля, первая статья которого гласит, что крестьяне получают личную свободу «без выкупа»³⁷.

Почему же убеждённый противник крепостного права не довёл это дело своей жизни до логического конца? Здесь можно выделить несколько причин: 1) влияние революций 1830 и 1848 годов, усиливших охранительные тенденции; 2) сопротивление аристократической фронды и многих из ближайшего окружения императора; 3) экономическая и психологическая неготовность массы среднего и мелкопоместного дворянства идти на необходимые компромиссы; 4) осознание определённого запаса прочности существующей социально-экономической системы, хотя и испытывавшей кризис.

Итогами деятельности Николая I в области крестьянского вопроса были уменьшение (абсолютно и относительно) численности крепостного населения, смягчение крепостного права (более 300 законов, расшатавших устои крепостничества). Вряд ли наследник Александр Николаевич был большим поборником освобождения крестьян, чем Николай Павлович. А. Е. Тимашев, критикуя утверждение Ф. П. Еленева о том, что Александр II ещё до вступления своего на престол не мог не сознавать необходимость освобождения крестьян, утверждал, что на самом деле Александр Николаевич «был положительно его противником». Далее Еленев добавлял, что по рассказу П. Д. Киселёва, знаменитые слова, впоследствии сказанные предводителем московского дворянства: «Гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу» — были сказаны Николаем I наследнику незадолго до кончины³⁸.

Николаевская эпоха не была царством, «замороженным» Кошечем Бессмертным на 30 лет. Современные исследователи рассматривают этот период как закономерный этап подготовки будущих реформ 1860-х годов. В частности, исследовав правительственную деятельность в области крестьянского и судебного законодательства, И. В. Ружицкая сделала вывод, что именно в царствование Николая I были заложены основы для реализации ключевых реформ — крестьянской и судебной³⁹.

Когда запас прочности старого режима оказался исчерпанным, Александр II, идя по проторённому пути, создал ещё один секретный комитет по крестьянскому вопросу — одиннадцатый по счёту с 1818 года... Наступала другая эпоха, и вскоре комитет стал гласным...

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. В полном собрании сочинений Л. Н. Толстого название этого очерка взято в квадратные скобки, так как сам писатель не дал названия незавершённому произведению. Условно под этим названием (цитата, вырванная из контекста) очерк впервые был опубликован за рубежом. Отношение Толстого к Николаю I позднее несколько изменилось.
2. Подробнее см.: Высокочков Л. В. Николай I: человек и государь. СПб. 2001. С. 43–135; Андреева Т. В., Высокочков Л. В. Николай I: Pro et contra (Зеркало для героя)//Николай I: Pro et contra. Антология. СПб. 2011. С. 7–62.
3. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. Ч. II. М. 1912. С. 112–113.
4. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М. 2002. С. 355.
5. Цит по: Шильдер Н. К. Император Николай I... Кн. 1. М. 1997. С. 310.
6. Там же.
7. Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке// Леонтьев К. Н. Цветущая сложность. М. 1992. С. 242–244.
8. Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимиров И. М. Ваш психологический тип. СПб. 1994. С. 52–53.
9. Цит. по: Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М. 2001. С. 243.
10. Крегер О., Тьюсон Дж. М. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живём, работаем и любим. М. 1995. С. 53, 60.
11. Великий князь Николай Павлович. Сочинение о Марке Аврелии//Николай I: Pro et contra... С. 66.
12. Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны... М. 2000. С. 237.
13. Киселёва Л. Мифы и легенды «царской педагогики»: случай Николая I//История и повествование: Сб. статей. (Научное приложение. Вып. LVI). М. 2006. С. 164–177.
14. Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимиров И. М. Указ. соч. С. 132.
15. Герцен А. И. Былое и думы//Собр. соч.: В 30 т. М. 1956. С. 139.
16. Цебрикова М. Пятидесятые годы (Из воспоминаний о войне 1853–1855 гг.)// Вестник всемирной истории. 1901. № 12. С. 2.
17. РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.
18. Записка графа П. Д. Киселёва о государе Николае Павловиче//Николай I: Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 530.
19. Рассказы об императоре Николае I// Русская старина. 1898. Т. 95. № 7. С. 39.
20. Завещание Николая I сыну... С. 293.
21. РГИА. Ф. 711. Оп. 1. Д. 35. Л. 18; см. также: Л. 16 об.
22. Там же. Л. 26.
23. Великий князь Николай Павлович. Сочинение о Марке Аврелии... С. 67.
24. Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. 5. М. 1989. С. 240.
25. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М. 1990. С. 71–72.
26. Записка Николая I о положении дел в Европе//Австрийская революция 1848 г. и император Николай I//Красный архив. 1938. Т. 4–5. С. 162.
27. Лунин М. С. Общественное движение в России в нынешнее царствование// Лунин М. С. Письма из Сибири. М. 1987. С. 145.
28. Цит. по: Бородин М. М. Венчанный рыцарь и его тернистый путь. Харьков. 1914. С. 32.
29. Сон юности... С. 207.
30. Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: правительственная политика и общественное мнение. СПб. 2009. С. 886.
31. Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М. 1991. С. 117–118.
32. Гинс Г. К., Шафранов П. А. Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 гг.). СПб. 1914. С. 3, 5.
33. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1. М. 1967. С. 72.
34. Из истории раскрепощения помещичьих крестьян: Показания А. Е. Тимашева// Русский архив. 1887. № 6. С. 262.
35. Мироненко С. В. Указ. соч. С. 19–193.
36. Сон юности... С. 286.
37. Ключевский В. О. Указ соч. Т. 5. С. 255.
38. Из истории раскрепощения... С. 260–262.
39. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М. 2006. С. 150–151.